

— Трясёт немилосердно! — тут же отозвался Сян Жун. — Даже под открытым небом, среди лавины и камнепада, сейчас безопаснее, чем в этих стенах! Бежим на галерею. Я вынесу Сяо Юй, а потом вернусь за Фулином. Возьми моё копье и приглядывай за сестрой. Если полетят обломки — отбивайся древком.

Ся Цзинго посмотрел, как Сян Жун пытается поднять Сян Юй, на ходу натягивая на неё стёганный халат и укутывая в одеяло. Одному ему с двумя было явно не совладать.

— Я сам его позову! — крикнул Ся Цзинго и, прикрыв лицо широким рукавом, бросился в глубь храма, к заднему залу.

Он не знал, что творится в той части святилища, но раз уж Фэн Фулин спас ему жизнь, бросить благодетеля в беде он не мог.

Коридор, соединявший главный зал с задними покоями, и в лучшие времена не отличался простором, а теперь его и вовсе пробило в нескольких местах рухнувшей кровлей. Пол занесло снегом. Смешиваясь с осыпавшейся со столбов дешёвой киноварью, он превратился в липкую бурую жижу. Ноги скользили и вязли, мешая бежать и уворачиваться от падающих камней.

Ся Цзинго жался к самым стенам, стараясь уберечься от щебня. На полпути прямо перед ним рухнул увесистый обломок. Чиркнув по деревянной колонне, он высек сноп ярких искр. К счастью, они упали совсем рядом — юноша успел наступить на них, прежде чем занялось сухое дерево. Вспыхни здесь пожар, они все четверо оказались бы в ловушке. Выбирать пришлось бы разве что между смертью под завалами и в огне.

Едва переведя дух, Ся Цзинго услышал доносящийся из задней залы странный звон, похожий на скрежет сталкивающихся клинков. Сердце у него упало. Он припустил быстрее и, ворвавшись в залу, застыл как вкопанный.

«Ничего себе мышь!» — пронеслось в голове.

Перед ним возвышалась белоснежная крыса высотой в два человеческих роста, едва не подпиравшая головой потолочные балки. Тварь была невероятно упитанной, а на её шее покачивалось ожерелье из превосходного нефрита с колокольчиками «Восьми сокровищ». Стоило ей шевельнуться, как они заливались резким, металлическим перезвоном, который Ся Цзинго и принял за звон оружия. Но поразило его другое: пока снаружи мир рушился и ходил ходуном, в этом зале царил абсолютный покой. Землетрясение словно обходило его стороной.

Очевидно, демонический зверь обладал недюжинной силой — втроём им с ним точно не сладить.

Стоило Ся Цзинго вскрикнуть от удивления, как белый оборотень и Фэн Фулин одновременно повернулись к нему.

Фэн Фулин оставался внешне бесстрастен, лишь во взгляде его промелькнуло мимолётное недоумение, будто он безмолвно вопрошал: «И это ты называешь гигантом? Насколько же крошечные мыши водятся в твоих небесных чертогах?»

Крысиный оборотень, окинув незваного гостя оценивающим взглядом, удивлённо шевельнул усами и тонко, по-крысиному заверещал:

— Надо же, малявка! Разглядел мою истинную суть? А ты не так прост, как кажешься.

Ся Цзинго быстро справился с испугом. Раз чудище изъясняется на человеческом наречии и не спешит пускать в ход когти, значит, договориться можно.

— А что, увидеть тебя — такая уж большая редкость? — с вежливым любопытством спросил он.

Его поразительное дружелюбие заставило и Фэн Фулина, и крысу снова воззриться на него с недоумением. В этом и крылась пропасть между верхними мирами и дольным миром смертных.

В царстве смертных люди чаще сталкивались с практиками первого и второго небес — слабейшими из бессмертных, чьей основной заботой как раз и было истребление нечисти. Там исстари повелось: встретились заклинатель и демон — жди драки не на жизнь, а на смерть. И то, что Ся Цзинго заговорил с монстром столь миролюбиво, выглядело чистейшим безумием.

Однако в высших обителях, начиная с четвертого неба, законы были иными. Особенно в Школе Девяти Великолепий, где никогда не проповедовали тотального уничтожения иных видов. Тамошние старейшины верили, что искра разума теплится в каждом создании, и если тварь ступила на путь праведного самосовершенствования, её не за что карать. Мир не делится на чёрное и белое; эти начала вечно перетекают друг в друга, подчиняясь великому круговороту. Невозможно стереть тьму, как невозможно оставить лишь свет. Разумнее карать за конкретные злодеяния, нежели за саму природу существа.

Ся Цзинго, в отличие от приземлённых фанатиков, не считал любое чудовище исчадием ада, заслуживающим немедленной казни.

Последнее столетие, после того как Небесный Владыка Демонов Фэн Миньчжао подчинил себе все шесть уделов бездны и практически под корень вырезал буддийские ордена, мир смертных превратился в бушующее поле битвы между даосскими орденами и порождениями тьмы. Божественный чертог наверняка знал о происходящем, но почему-то медлил, предпочитая наблюдать со стороны. Школа Девяти Великолепий, выступая своего рода авангардом высших сил, время от времени отправляла своих лучших учеников в дольный мир — усмирять тех тварей, с которыми местные справиться не могли. И хотя Ся Цзинго слабо ориентировался в здешних делах, о разнице во взглядах он наслушался предостаточно.

— Глупый малец, неужто ты до сих пор не понял, что для обычных смертных меня здесь вообще нет? — хмыкнул оборотень, покачивая тушей.

Ся Цзинго присмотрелся и действительно заметил странность: задняя лапа великана беспрепятственно проходила сквозь обрушившуюся кладку. Перед ним стоял лишь фантом, а настоящая белая крыса — вполне обычных размеров, разве что упитанная сверх меры — сидела на полу прямо в центре этой гигантской проекции.

Не успел юноша осмыслить увиденное, как реальная мышь начала раздуваться и за секунду выросла до размеров взрослого человека. И хотя она уступала своему фантому, Фэн Фулин всё же слегка прищурился, а на его лице отразилось лёгкое удивление. Очевидно, теперь оборотень решил явить смертному свой плотский облик — или, по крайней мере, его часть.

— Ну так что, малявка? — осклабился зверь. — Небеса разгневаны, земля ходит ходуном. Сунетесь наружу или останетесь в храме — всё одно погибнете. Сам видишь: кабы не моя сила, этот придел давно бы сложился как карточный домик. Давай договоримся: ты соглашаешься на мои условия, а я спасаю твоих спутников. Идёт?

Возразить было нечего — слова оборотня отдавали суровой правдой. Но что мог предложить взамен он, калека с заблокированными духовными каналами и пустой сумой? Может, эта тварь замерзла в своей шкуре и позарилась на его расшитую огненными фениксами мантию? Юноша невольно погладил дорогую ткань. Эта вещь — последняя память об отце. Но если цена спасения трёх жизней, включая его спасителя, такова, придётся расстаться с реликвией. Лишь бы эта прожорливая бестия не изорвала её...

Проглотив подступивший к горлу ком, Ся Цзинго мужественно вскинул подбородок:

— И чего же ты хочешь?

Крыса довольно заверещала, отчего белая шерсть на её лоснящейся морде заходила ходуном:

— Отныне и навек ты останешься при мне. Станешь живым сосудом, подпитывающим моё совершенствование!

Ся Цзинго опешил. Захлопав ресницами, он растерянно переспросил:

— Сосудом? Для духовной энергии?.. Ты, верно, что-то напутал. С моими-то искалеченными меридианами? Из меня даже при помощи редчайших снадобий толка не выйдет, какой уж тут сосуд?

— Негодные меридианы? — Оборотень не только не расстроился, но и вовсе зашёлся в хриплом хохоте. — Великолепно! Просто чудесно! Для идеального сосуда «пустота» — величайший дар!

От этого торжествующего смеха у Ся Цзинго мороз пробежал по коже. В груди шевельнулось нехорошее предчувствие: казалось, сейчас этот монстр сорвёт покровы с какой-то древней тайны, оставив его один на один с обнажённой, кровоточащей правдой. Отогнав навязчивый

страх, юноша взял себя в руки:

— С чего ты вообще взял, что я могу быть полезен? Чем докажешь?

— Глупая твоя голова, неужто ты сам не чувствуешь, что ежесекундно источаешь чистейшую духовную энергию? — искренне изумился оборотень. От удивления его глаза выкатились из орбит, собрав кожу на морде в нелепые складки. — Вся скверна из этого Богом забытого места испарилась, едва ты переступил порог. Сколько веков здешний воздух оставался мёртвым! Как ушёл последний монах, так и иссяк источник первозданной чистоты. До твоего появления.

— А, ты об этом... — Ся Цзинго облегчённо вздохнул. — Всё просто: я копил эту силу долгих восемь лет, а пока лежал без памяти, она просочилась наружу через повреждённые меридианы. Хоть моё тело и неохотно впитывает энергию, за столько лет её набралось достаточно, чтобы заполнить этот крошечный храм.

— Какая наивность! — Крыса вновь затряслась в беззвучном смехе, качая непропорционально крошечной головой. Глаза её превратились в две узкие, хитрые щёлочки.

Ся Цзинго невольно подумал: «Так вот почему у него такие дряблые веки. С его-то манерой щуриться кожа давно должна была растянуться».

— Раз уж ты честен со мной, то и я таиться не стану, — пропищал зверь. — Я топчу эту землю без малого тысячу лет. Видал и монахов, и даосов — не одну тысячу. Да что там земные затворники, мне и небожители встречались! Но ни один из них не был способен испускать столь чистый, беспримесный свет. Обычные практики, когда у них «утекает» сила, сбрасывают лишь шлаки — самую грязную, бесполезную часть духовных накоплений, непригодную для чужого разума. Твоя же энергия чиста, как родниковая вода. Именно её манящий зов привёл меня сюда.

Ся Цзинго опешил. Подумать только, этот монстр повстречал столько заклинателей и ухитрился уцелеть! Воистину великая сила. Неудивительно, что он сумел обуздать гнев земных недр в одном отдельно взятом зале.

В отличие от доверчивого юноши, Фэн Фулин, внимательно слушавший эту тираду, лишь внутренне усмехнулся: «Обыкновенное бахвальство дорвавшейся до крох силы твари».

Пусть он плохо разбирался в тонкостях циркуляции небесной энергии, но непомерное тщеславие крысы и её нелепые требования сразу навели его на подозрения. Глупо верить каждому слову лесного духа. С какой стати бессмертному из вышних миров становиться рабом земного оборотня? На подобный обман купился бы разве что круглый дурак.

Он уже собирался вмешаться и оборвать эту лживую комедию, как вдруг заметил, что Ся Цзинго застыл с приоткрытым ртом и замороженным взглядом. Парень явно заглотил наживку.

Фэн Фулин мысленно выругался.

Окинув взглядом полуразрушенную стену, он нахмурился. Воспользовавшись тем, что оборотень полностью увлечён своей предполагаемой добычей, Фэн Фулин начал бесшумно пятиться к стоявшему в углу массивному стеллажу. Едва его пальцы коснулись пыльного дерева, Ся Цзинго наконец очнулся и мотнул головой:

— Всё это лишь твои домыслы. Мой опыт невелик, но никто в здравом уме не называл меня вещью. Впрочем, если тебе так нужна моя духовная сила, забирай. Но с одним условием: ты позволишь моим... друзьям переждать землетрясение здесь, под твоей защитой. Я добровольно отдам тебе всё до последней капли. Идёт? Силы у тебя достаточно, сопротивляться мы всё равно не сможем, так что в обмане резона нет.

Фэн Фулин удивлённо вскинул брови.

Он прекрасно понимал, чего стоит подобное обещание. Ся Цзинго, которому на вид было от силы тринадцать, занимался самосовершенствованием больше половины жизни, изнуряя себя тренировками с малых лет. Лишиться духовного ядра для практика — всё равно что добровольно пойти на плаху. Сам Фэн Фулин годами отрабатывал с Сян Жуном фехтовальные стойки, и мысль о том, чтобы позабыть всё это, казалась ему невыносимой. А тут — отдать саму суть жизни ради спасения малознакомых людей...

Оборотень зашевелил длинными серебристыми усами, и его лоснящаяся морда исказилась в хищном оскале. Взгляд бусинок-глаз, сузившихся до едва заметных щёлочек, не предвещал ничего хорошего.

— Слишком много болтаешь, малявка, — проскрипел он. — Считаешь ты себя сосудом или нет, мне плевать. Ты станешь им. согласишься по-хорошему — славно. Попытаешься перечить — я просто сверну шеи твоим друзьям, а тебя утащу в свою нору. Моё предложение — это не базарный торг, а милость великого бессмертного. Единственный шанс для этих смертных не сгнить под завалами.

Ся Цзинго похолодел, осознав, насколько жестоко просчитался. С этой безжалостной тварью невозможно договориться.

И в этот момент из угла раздался холодный, уверенный голос Фэн Фулина:

— Он лжёт. Зал стоит не благодаря его магии.